

Глава 1

Люблю рынки, когда наша мангруппа заходит в местные селения на огонёк. Кругом война, жара, бармалеи со своими засадами, а тут — вечные сказки «Тысячи и одной ночи». Настоящие, не прилизанный Голливуд.

Красота! Живые куры кудачут, овцы блеют, фрукты и овощи грудями лежат на импровизированных прилавках под навесами из каких-то брезентух или просто простыней, чтобы не изжариться на солнцепёке. Закутанные по самые брови продавцы и покупатели в своих хламидах — и потому, что ислам, и потому, что жара и всепроникающий песок лезет во все щели, чтобы поскрипеть на зубах да позудеть на коже. Они клёкочут между собой на своём гортанном языке — не то ругаются, не то просто торгуются. Легко представить, что так же точно было и тысячу лет назад, и две тысячи, и три... Только без покоцанных японских тачек и мобильников.

Идём тройкой, смотрим. Продавцы в основном тётки или старики. Покупатели — тётки. Мужиков почти не встретишь — бегают друг за

другом с автоматами по местным пескам, кто в правительственных войсках, кто у повстанцев.

Повстанцы разные: одни совсем религиозные, другие религиозные, но не очень, а третьим всё равно, лишь бы заплатили. Все воюют со всеми. А мы? Мы — за мир, за законного президента и за Родину. Ну и что, что Родина в тысяче километров отсюда? Раз послали сюда, значит, надо. Мы — люди военные. Тоже бегаем за повстанцами.

— Тащ старший лейтенант, — толкает меня в бок Савельев, — разрешите освежиться купить. В горле уже скрипит от песка.

Оглядываюсь. В нескольких метрах сидит местный пацан, автомат в руки брать ему ещё рано, а торговать — в самый раз. За спиной в тенёчке пара ящичков с банками газировки, бидон с водой, бутылки с подозрительной молочкой. По виду не скажешь, кого доили: козу, корову или верблюда. Ну её на фиг, такую. Нам только отравлений не хватало.

— Газировку возьми на всех, — протягиваю ему пару местных купюр, — должно хватить.

Савельев идёт к пацану торговаться за три банки шипучки. Мы с Кроминым осматриваемся по сторонам.

В закутке между развалинами сидит неподвижно в чёрном бурнусе крепкий ещё, хотя и с сединой в бороде араб-бедуин. Только глаза в сетке крупных морщин не арабские — светлые в синеву. Кинжал на поясе в потёртых ножнах

с истёртым золотом вышивки. Перед ним на ков-
рике нехитрый товар...

Э-э, нет, товар как раз хитрый. Монеты —
медяшки, серебрушки и даже вроде пара золотых
с полу-, а то и почти совсем стёртыми надписями
и рельефами. Позеленевшие масляные лампы —
того и гляди с джинном каким внутри. И она —
висюлька на кожаном шнурке, восьмиконечная
звезда с голубым эмалевым глазом в центре. Та-
кие глаза на Востоке любят держать в доме или
на себе от сглаза и порчи. А вот чтобы он был
вписан в восьмиконечную арабскую звезду...

Подхожу, наклоняюсь, чтобы получше рас-
смотреть. Кромин за плечом сечёт сейчас осталь-
ной рынок, ему эта старинная дребедень до од-
ного места. Бедуин, увидев, что вещица меня
заинтересовала, хитро сверкнул глазами, про-
тянул в руку: смотри, мол. И звезда непростая,
это же змей так изогнулся, кусая сам себя за
хвост. Уроборос. Золото, серебро? Какой-то не-
понятный сплав. Вещица лежит в ладони и слов-
но покалывает кожу. И глаз в центре так и при-
тягивает взгляд.

— Бери, господин. Старая вещь, ценная, — на
ломаном русском неожиданно говорит араб.

Ничего удивительного, за то время, что
мы здесь, многие местные выучили наш язык.
Хотя бы вот для таких взаимовыгодных опера-
ций.

— Ценная? Да у меня, наверное, и денег нет
таких. Сколько просишь?

Араб достаёт из складок своих одеяний мобильный телефон, набирает цифру. Н-да... Ценная вещица и стоит, как крыло от самолёта. Но мы на Востоке или где? Набираю свою цифру — в три раза меньше. Резьба морщин моего визави даже не дрогнула, только голубые глаза сверкнули льдинками. Он набирает новую цену — в полтора раза меньше изначальной. Сбиваю её вдвое.

Подваливает Савельев с шипучкой.

— Чё это? — шепчет Кромину.

— Командир торгуется, — отвечает тот, продолжая сечь периметр.

Пшикают две банки. Подчинённые мои жадно глотают газировку. Что с них возьмёшь, мальчишки ещё, пусть и с автоматами. Нам в Рязанском училище с первого курса вколачивали: не утоляет газировка жажду, ещё сильнее потом пить хочется. Лучше в воду щепотку соли. Пить противно, а жажду снимает на время. Ещё лучше — зелёный чай, но его ещё прочувствовать надо и пить почти горячим.

Савельев протягивает третью банку.

— Держите, тащ старший лейтенант.

— Разделите между собой. Я из фляжки обойдусь.

Пшикнула третья банка. Пока парни по очереди передают друг дружке банку, снимаю с пояса фляжку с тепловатой подсоленной водой. Делаю пару глотков и сразу чувствую, что полегчало.

Бедуин протягивает свой телефон с новой цифрой. Уже лучше. Но и я не останавливаю

процесс, уменьшаю сумму. Бедуин горестно качает головой, цокает языком, разводит руками — дескать, разорить меня хочешь! Пока всё идёт как по учебнику.

Делаю вид, что теряю интерес к дальнейшей торговле. Хлопаю подчинённых по плечам.

— Пошли, парни.

Шаг, другой, третий прочь от бедуина с его барахлом с раскопок.

— Пойдите, господин!

Так и есть, окликнул в спину. Игра продолжается. Торг уместен.

Разворачиваемся, возвращаемся к бедуину. Он показывает новую цифру. Уменьшаю её на треть. Бедуин пыхтит, прижимает руку к сердцу, мотает головой. Пишет свой вариант. Скидываю ещё немного. Вещица-то реально редкая. Дома смогу загнать её с хорошим барышом. Или оставлю себе на память об очередной командировке. Она у меня далеко не первая.

Наконец согласие с бедуином достигнуто. Бьём по рукам. Достаю деньги, отсчитываю нужную сумму, протягиваю продавцу. Он благодарно кланяется, хитро смотрит своими голубыми гляделками, встаёт и вешает талисман мне на шею. Как раз поверх броника.

— Удачи тебе, отец! — говорю я.

— Храни тебя Аллах! — доносится вслед.

Идём прочь, на ходу заправляю талисман под форму, поближе к телу. Металл приятно холодит кожу, чуть покалывая. Статическое электриче-

ство, что ли? Небо на горизонте хмурится. Гроза? Откуда здесь?

Пора двигаться дальше.

Пш-пш... — оживает рация.

— Вомбат вызывает Шею. — Пш-пш... — Шея, приём.

— Здесь Шея. Закончили с рынком. Движемся к вам.

— Шевелите помидорами. Вас одних ждём. В десяти километрах к югу замечена бармалейская шайтан-арба. Приказано перехватить.

— Приказ принят. Бежим.

Поворачиваюсь к парням:

— Срочный сбор, бойцы.

Трусцой пылим прочь с рынка к тому, что осталось от местной школы. Там нас ждёт под парами бронетранспортёр с командиром нашей мангруппы (это его позывной — Вомбат) и остальными бойцами. Ждать он не любит, так что невольно ускоряем бег.

— Всё нормально? — спрашивает он.

— Без эксцессов, — сообщаю я.

Покидаем мирный кишлак. Бронированный «Тайфун» рассекает по местным пескам. На борту три человека экипажа и наша семёрка во главе с Вомбатом. Гулко ревет мотор, трясёт немилосердно, но бойцам всё равно, двое уже откровенно кемарят, пользуясь случаем.

Вомбат хлопает по плечу водилу:

— Тормози. Надо выпустить дрон, сориентироваться.

Пока оператор возится с запуском летучего разведчика, две наши тройки — моя и Вомбата — рассыпаются по окрестностям, контролируя периметр вокруг «Тайфуна», чтобы вдруг не прилетело ничего от бармалеев.

С лёгким жужжанием воздушный разведчик уходит в небо. Небо наливается жёлтой хмарью, которая ползёт с юга. Сыпанёт песком хамсин или пронесёт на этот раз? Пустыня словно замерла в ожидании. Только лёгкий свист песчинок по песку...

Пш-пш... Снова рация.

— Глаз вызывает Вомбата.

Пш-пш...

— Вомбат на приёме.

Пш-пш...

— Шайтан-арбу засёк. Полтора километра к юго-востоку. Там какие-то развалины. Рядом кучкуются пяток бармалеев, из них трое в охране.

— Уводи дрон.

Пш-пш.

— Принято. Вомбат, там наверху задувает сильно, не то что здесь. Это так, к сведению.

— Понял. — Пш-пш. — Шея, приём.

— Шея на приёме.

— Предлагаю уконтрапупить бармалеев. Наверняка же в засаду садятся. Нужны нам засады на этой дороге? Завтра должна идти колонна с гуманитаркой в Алеппо. Плюс средства от холеры.

— Согласен. Есть план?

— Подваливай ко мне. Пошепчемся над тактическим планшетом.

Ползём с Савельевым и Кроминым под прикрытием бархана. Небо уже совсем заволочло желтизной. Ветер и внизу чувствуется. Песок аж подвывает. Главное, успеть всё до начала песчаной бури. За барханом, если верить нашему дрону, бармалеи со своей шайтан-арбой.

Смотрю на часы — до сигнала к атаке минута. Уложились. Мы зашли с юга, где у бармалеев не должно быть охранения, пришлось дать изрядную кривулину по песку. Жестами уточняю бойцам их задачу: пара бросков гранат, а дальше — пали во всё, что движется и не матерится.

Ребята у меня опытные, два раза повторять не нужно. Достали гранаты, изготовились. Пыхнула в жёлтом мареве зелёная ракета со стороны Вомбата. Сорвали кольца, швырнули — бахнуло. Сорвали кольца, швырнули — бахнуло.

За барханом — заполошная стрельба, гортанные крики бармалеев. Рвёмся в атаку, поливая перед собой автоматными очередями. Буря и натиск. За барханом чадит чёрным дымом шайтан-арба — японский пикап с укреплённой в кузове ракетной установкой. Около него два бармалейских трупа. А где остальные?

Неожиданно сбоку ударил пулемёт. Я толкнул зазевавшегося Кромина, а Савельев и сам уже на песке. Лежим. Пули свистят над головой.

«Дружеский огонь? Неучтённые бармалеи? Откуда? Не было же никого...»

Жму тангенту рации. Пш-пш...

— Шея вызывает Вомбата. Приём.

Пш-пш... В наушнике только треск и шипение эфира. Молчит Вомбат. Не понял. Снова жму тангенту. Пш-пш...

— Тайфун, ответьте Шее. Приём.

Шипит и трещит эфир. К северу — стрельба и взрывы гарант.

— Тайфун на приёме. У нас с трёх сторон атакуют бармалеи. Вомбат замолчал сразу после начала атаки.

Со стороны «Тайфуна» вдарила очередь из крупнокалибрушечки. Потом несколько взрывов. Рация замолчала.

Жму тангенту. Пш-пш...

— Тайфун, ответьте Шее. Приём?..

Молчит. Тишина. Стрельба продолжается. Ещё пара взрывов.

— Тащ старший лейтенант? — Кромин толкает в бок. — Что там?

Изысканно и грубо матерюсь. Общий смысл — походу, хана случилась и Вомбату, и Тайфуну. Напоролись на очень грамотную засаду. Подкинули нашей мангруппе вкусную наживку, а мы её и ам — заглотили по самое не могу.

— И что теперь? — Это уже Савельев.

— Уходить надо. Или геройски погибнуть.

— Погибнуть всегда успеем.

Отползаем. На севере ползёт к низкому небу густой чёрный дым. Если это не наш «Тайфун», то что? Жёлтая муть уже не только в небе, она вокруг. Кутаем носы и рты в платки тактической расцветки — те же куфии, что у местных, только цвета другие. Помогает, песок меньше скрипит на зубах.

Не паниковать, главное, не паниковать. Командую: короткими перебежками. Вскакиваем, бежим по песку к югу, забирая к востоку. Сзади бьют автоматные очереди. Савельев спотыкается и падает лицом в песок. Падаем рядом.

— Кромин! Периметр!

Кромин бьёт несколькими короткими очередями в сторону предполагаемых преследователей.

Переворачиваю Савельева на спину. Моя левая ладонь вся в крови. Пуля прилетела ему в шею, аккуратно над верхним срезом броника, почти под каску. Слепой случай.

Что-то большое и круглое вылетает из песчаной круговерти и шлёпается между мной и Кроминым. Граната? Вжимаемся в песок. Жаль, я не муравей, не могу зарыться поглубже.

Взрыва нет. Открываю левый глаз. Правый. На меня смотрит мёртвый Вомбат. Кровь на его отрезанной голове уже успела запечься. Глаза смотрят в вечность. Прощай, капитан Дудин с позывным «Вомбат».

Чёрт! Чёрт! Неужели бармалеи положили всю мангруппу? Если это так — всё, писец котёнку, то есть нам...

Что-то вылетает из заворотов песчаной бури и брякается на песок между нами с Кроминым. Ещё чья-то голова?

Граната!

Не знаю, какие там мышцы сработали, но меня подняло в воздух и отбросило за небольшой песчаный холмик.

И тут бахнуло.

Горсти песка сыплются за шиворот, шуршат по каске, по бронику. Поднимаю голову. Вот и Кромин — всё. Вместо лица кровавая каша, опознать невозможно. Эх, Кромин, Кромин, как же так!

Краем глаза фиксирую несколько тёмных силуэтов, приближающихся к моему укрытию. Вскидываю автомат, жму на спусковой крючок и не отпускаю, пока не выщёлкаваю весь магазин.

Силуэты падают, я почти глохну. Вскидываю и бегу. За спиной выстрелы. Впереди вырастает какая-то большая тёмная груда — старая развалившаяся каменная кладка. Втискиваюсь в какую-то щель между камнями... И оказываюсь в небольшом, почти круглом помещении, засыпанном грудями песка. Свод крыши давно обвалился, но здесь хотя бы не чувствуется ветер, несущий песок.

Убежище или ловушка?

Ловушка!

Сквозь проём лезет бармалей. Ну, сука, сейчас ты у меня попляшешь! Вставляю новый магазин взамен пустого. Палец давит на спусковой